

Научная статья
УДК 101:316.3:004
DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-120-130

МОДУСЫ ДЕГУМАНИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Татаров В. Ю.

Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Российская Федерация
e-mail: tatarovvyu@mail.ru

Поступила в редакцию 17.12.2024
После доработки 22.01.2025
Принята к публикации 12.02.2025

Аннотация

Цель. Выявить условия превращения алгоритмизации, под которой понимается один из процессов онтогенеза цифрового общества, в бесчеловечный социально-технологический процесс.

Процедура и методы. Исследование базируется на междисциплинарном и деятельностном подходах как двух социально-философских объяснительных принципах. В качестве основного метода используется системный анализ, который применяется в комбинации с общенаучным инструментарием.

Результаты. Установлено, что процесс алгоритмизации, неотделимый в условиях капиталистической системы от процесса коммерциализации и взаимно стимулируемый им, оказывается наряду с ним модусом дегуманизации цифрового общества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют осмыслить новые уровни отчуждения, возникшие в эпоху позднего капитализма, и стимулируют усилия по дальнейшему изучению и концептуализации постоянно меняющихся способов дегуманизации общества.

Ключевые слова: алгоритмизация, коммерциализация, модусы дегуманизации, отчуждение, праксис, цифровое общество

Для цитирования:

Татаров В. Ю. Модусы дегуманизации цифрового общества // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 120–130. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-120-130>.

Original research article

MODES DEHUMANIZING DIGITAL SOCIETY

V. Tatarov

Tver State Technical University, Tver, Russian Federation
e-mail: tatarovvyu@mail.ru

Received by the editorial office 17.12.2024
Revised by the author 22.01.2025
Accepted for publication 12.02.2025

Abstract

Aim. To identify the conditions for the transformation of algorithmizing which is understood as one of the processes of the ontogenesis of digital society into an inhuman socio-technological process.

Methodology. The research is based on interdisciplinary and activity-based approaches as two social-philosophical explanatory principles. The main method used is systems analysis, which is applied in combination with general scientific tools.

© CC BY Татаров В. Ю., 2025.

Results. It is established that the process of algorithmizing, which in the conditions of the capitalist system is inseparable from the process of commercialization and mutually stimulated by it, turns out to be, along with it, a mode dehumanizing digital society.

Research implications. The results of the research make it possible to understand new levels of alienation, which arose in the era of late capitalism, and stimulate efforts to further explore and conceptualize the ever-changing modes of dehumanizing society.

Keywords: algorithmization, commercialization, modes of dehumanization, alienation, praxis, digital society

For citation:

Tatarov, V. Yu. (2025). Modes Dehumanizing Digital Society. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 120–130. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-120-130>.

Введение

Последние десятилетия капиталистическая система демонстрирует необычайную гибкость и адаптацию к технологическим изменениям. На данном этапе социально-экономического развития наблюдается беспрецедентная самотрансформация капитализма посредством его диалектического взаимодействия с цифровыми технологиями, функционирующими на базе компьютерных алгоритмов.

Процесс алгоритмизации, т. е. проектирования алгоритмов и алгоритмических систем и их интеграции во все сферы социальной жизни, можно рассматривать в двух аспектах – инфраструктурном и трансформирующем. В первом аспекте алгоритмизация выступает одним из процессов функционирования технологической инфраструктуры цифрового общества – стержневым по отношению к процессам сетевизации, платформизации и датификации, во втором – как процесс преобразования реальности в исполняемые коды программного обеспечения. С информационной точки зрения алгоритмизация представляет собой процесс генерации и обработки данных посредством компьютерных контекстно зависимых эпистемических процедур. Хотя процессы функционирования технологической инфраструктуры цифрового общества происходят синхронно, «поддерживают и усиливают друг друга» [1, с. 135], именно алгоритмизация оказывается среди них стержневым или

базовым процессом. Алгоритмы не только обеспечивают функционирование всех инфраструктурных элементов цифровой социотехнической системы, но и выполняют преобразование аналоговых данных в цифровые биты.

Начиная с первой половины 2010-х гг. происходит резкая интенсификация алгоритмизации. В процессах появившегося в это время глубокого машинного обучения (Deep Machine Learning) одни алгоритмы стали проектировать другие алгоритмы, комбинируя средовые входные данные с апостериорными инструкциями, что, согласно британскому исследователю Л. Паризи, соответствует кибернетике второго порядка – открытому механизму обратной связи [2, р. 129].

Процесс онтогенеза цифрового общества как интеграция цифровых технологий во все сферы социальной жизни осуществляется посредством алгоритмического преобразования социальной реальности в цифровую социотехническую систему. Он является глубоко рекурсивным: эксплицитные и имплицитные модели социального вписываются в проектируемые алгоритмы, а затем повторно применяются к социальным феноменам. Алгоритмы искусственного интеллекта (далее – ИИ) представляют собой продукт гомогенного слияния технологической логики с социально-экономической логикой производства прибавочной стоимости, что позволило британскому философу Н. Лэнду говорить о «телеологической

идентичности капитализма и искусственного интеллекта» [цит. по: 3, р. 156].

Экономика является частью общества, и экономические отношения рассматриваются в социально-философской литературе как частный случай социальных отношений. Вместе с тем капитализм имеет тенденцию проникать в неэкономические социальные отношения, подчиняя управляющие ими принципы логике максимизации прибыли, что на современном этапе характерно для политики неолиберализма. Неолиберализм можно рассматривать и как политическую рациональность, как эпистему социального, распространяющую капиталистическую логику на неэкономические сферы общества, и как рыночный проект – как коммерциализацию и коммодификацию этих сфер. Неолиберализм, по мнению швейцарского исследователя Ф. Ларуффа, пытается уничтожить диалектическое понимание отношений между социальным и экономическим, переосмысливая социальное «изнутри инструментальной рациональности капиталистических рынков», в результате чего согласование целей социальной и рыночной сфер «становится технократическим вопросом» [4, р. 148, 156].

Неолиберальный экспансионизм «некомпенсированного капитализма» реализуется в социальном «кибернетическом» процессе «в цепи позитивных обратных связей», посредством которых коммерциализация и индустриализация (со всё более увеличивающейся плотностью ИИ в технологиях) взаимно стимулируют друг друга. По мере своего усиления эта цепь становится всё более автономной, или автоматизированной [5, р. 34, 36]. Петли позитивной обратной связи, имманентные кибернетике второго порядка, выводят социальные и технические системы из равновесия.

Кибернетика второго порядка и телеологическая тождественность капитала и искусственного интеллекта

Австрийский философ и математик К. Гёдель в 1931 г. доказал существование неразрешимых пропозиций внутри формальных аксиоматических систем. Истинность таких пропозиций не может быть верифицирована аксиоматическим методом, поскольку это требует добавления нового набора аксиом к исходным. Вскоре английский математик А. Тьюринг также столкнулся с проблемой неполноты аксиоматического метода при попытке формализовать концепции алгоритма и исчисления с помощью мысленного эксперимента (гипотетической вычислительной машины). Машина Тьюринга продемонстрировала, что исчислимыми являются только те задачи, которые можно решить с помощью аксиоматического метода, и напротив, те пропозиции, которые нельзя решить при помощи аксиоматического метода, остаются неисчислимыми. «Тьюринг показал, что есть пределы того, что можно вычислить, поскольку существуют функции, которые можно назвать алгоритмически неразрешимыми» [6]. Благодаря неполноте и неисчислимости, свойственным пропозициям когнитивных систем, вычислительная аксиоматика становится «открытой», а вычислительный формализм – «контингентным» [6].

После так называемой зимы ИИ в конце 1980-х–1990-х гг. начинается широкое распространение алгоритмов нового поколения – интерактивных, самоадаптирующихся, обучающихся методом проб и ошибок на неопределённой или неполной информации. В то время как в алгоритме Тьюринга исчисление достигает своего предела и останавливается, в интерактивном алгоритме оно не прекращается, поскольку предел исчисления (в том числе предел чистого разума и его телеологической конечности) трансформируется: «он становится добавлением новых и максимально неизвестных алгоритмических частей к имеющему место курсу вы-

числительной обработки». Эти части, или алгоритмические последовательности, непрерывно увеличиваются в объёме за счёт обратной связи с окружающей средой и стремятся занять место запрограммированной инструкции, тем самым «необратимо преобразуя заданный конечный набор правил» [2, р. 133]. Если вычислительный механизм, базирующийся на априорных инструкциях, концептуализированный в машине Тьюринга, отсылает к кибернетике первого порядка с её закрытой системой обратной связи, то представленная интерактивной парадигмой комбинация входных данных окружающей среды и апостериорных инструкций соответствует открытой системе обратной связи, т. е. кибернетике второго порядка. Новые, посттьюринговские, модели ИИ радикально отличаются от предшествующих им дедуктивных моделей: немонотонная логика глубокого машинного обучения не стремится к устранению неопределённости, но вместо этого генерирует гипотетический ответ на неизвестное [7]. В силу этой неопределённости вычислительные системы с открытой петлёй обратной связи в известной степени оказываются вне человеческого контроля и управления.

Не только кибернетический механизм вычисления, но и социальный механизм технико-экономического прогресса моделируется как неконтролируемая петля обратной связи. Комментируя тезис о телеологической тождественности капитализма и ИИ, П. Макдугалд отмечает, что автономно и динамически расширяющаяся экспансия капитала представляет собой «кибернетический выход из-под контроля *par excellence*» в соответствии с формулой К. Маркса $D - T - D'$ (сокращается до формулы $D - D'$). В имманентной этой экспансии взаимозависимости технологической модернизации и экономического прогресса рынок выступает как своего рода распределённая вычислительная машина, рассчитывающая цены и генерирующая коллективный интеллект. Рынок как таковой – это некая форма «искусственного сверхинтел-

лекта», которая возникла задолго до того, как был изобретён компьютер¹.

Однако, несмотря на то что ИИ не только присвоен, но и конституирован капиталом, он обладает собственной, технологической логикой. Хотя процессы коммерциализации и алгоритмизации тесно переплетены друг с другом, исследование последнего не может быть сведено к вопросам экономики и рынка. В социальном контексте ИИ имеет с капиталом избирательное сродство и, как покажет дальнейшее исследование, является фундаментально дегуманизированным.

Симулятивная парадигма и нечеловеческий интеллект

История алгоритмической культуры и попыток механизации мышления насчитывает три тысячи лет. Так, исследователи усматривают определённое когнитивное сходство между алгоритмическим ритуалом Агничаяны и методами исчисления европейских философов и математиков XVII–VIII столетий [8, р. 26–27]. В первой половине XX в. происходит некое переосмысление цели механизации разума: в то время как, например, Г. Лейбниц с помощью своей «универсальной характеристики» стремился продемонстрировать, что понятиями можно оперировать строго формально, первый философ искусственного интеллекта А. Тьюринг хотел показать, что человеческое мышление в принципе является механическим. По Тьюрингу, человека в процессе исчисления действительного числа можно сравнить с вычислительной машиной, выполняющей только конечное число условий. Главное же оправдание использования вычислительной машины (а следовательно, и отличие её от человека) состоит в том, что «человеческая память неизбежно ограничена» [9, р. 59].

Комментируя концептуальную связь между проектами Лейбница и Тьюринга,

¹ MacDougald P. Accelerationism, Left and Right [Электронный ресурс]. URL: <https://pmacdougald.wordpress.com/2016/04/14/accelerationism-left-and-right/> (дата обращения: 15.12.2024).

британский исследователь Б. Фази называет «симулятивной парадигмой» представления теоретиков когнитивизма, основанные на стремлении воспроизвести человека в машине или машину в человеке и сделать вычисление с онтоэпистемологической точки зрения более близким к биологическому и социальному к измерению жизни [10, р. 814]. В этой парадигме гуманизация машины и механизация человека предполагают друг друга и идут рука об руку. В своих попытках очеловечить машину когнитивисты стремятся сделать либо формализм более эмпирическим, либо эмпирическое более формальным, достигая максимальной реализации этого стремления в концепции интерактивной вычислительной машины: в кибернетике второго порядка алгоритмические правила дополняются данными окружающей среды, «чтобы привнести телесность и социальность “реального мира” ... в его вычислительную репрезентацию» [10, р. 820]. Это позволяет процессу алгоритмизации общества прийти в соответствие с тенденцией неолиберального рынка проникать во все сферы общественной и личной жизни. Алгоритмы когнитивного и аффективного капитала предоставляют технологическим компаниям беспрецедентные возможности проникновения в самые сокровенные уголки повседневной жизни, во все аспекты человеческого существования и преобразования нерыночных социальных практик в новые источники стоимости, конструируя самого субъекта как самоинвестирующийся человеческий капитал.

По мнению Б. Фази, симулятивная парадигма «скрывает» онтоэпистемологическое несоответствие между жизнью и машинами, для описания которого исследователь заимствует из философии науки термин «несоизмеримость» (*incommensurability*). Речь идёт о несоизмеримости между абстрактными операциями человека и вычислительного агента, между тем, как люди моделируют реальность, и тем, как то же самое выполняют вычислительные машины. Способ, которым программа привлекает, организует и обобщает информа-

цию «для формирования желаемой “концепции” – или, согласно вычислительной терминологии, желаемой выходной репрезентации нуля – является полностью и исключительно вычислительным» [11, р. 66].

Вычислительный способ обработки информации отличается от человеческого мышления своей предельной дискретностью и является исключительно формально-логическим, или, точнее, логико-математическим, в то время как последнему свойственны дискретно-континуальная обработка информации и использование наряду с формальной логикой диалектики. Как отмечает франко-аргентинский философ М. Бенасайяг, исчисление характеризуется «цифровым округлением», которое «вырезает» фрагменты моделируемой реальности, т. е. дискретизирует сложный и глубокий континуум на количественные единичные элементы, моделируемые как нули и единицы. Согласно этому способу репрезентации, всё должно быть «мыслимо» в соответствии с дискретными единицами, идентифицируемыми только количественно. Это означает, что всё то, что не может уловить цифровое округление (например, возникающие при измерении флуктуации, связанные с «континуальной размытостью» жизни), непосредственно теряется [12]. Несмотря на то, что исчисление включает в себя неисчислимое, аутопоэтически актуализируемое в кибернетике второго порядка, имманентная вычислительному процессу алгоритмическая логика стремится скорее разрешить противоречие, чем диалектически его экстраполировать. Она в известной степени оказывает детерминирующее влияние на изначально диалектические по своей природе социальные отношения. Поэтому интегрированный в эти отношения вычислительный способ обработки данных осуществляет перепроектирование оппозиции социального и технического в нелинейный поток искусственной социальности, в процессе появления которой диалектические отношения между тем и другим постепенно вытесняются машинизмом, растворяющим общество в маши-

нах и одновременно детерриториализующим машины на руинах общества [5, p. 81].

По сравнению с человеческим способом рассуждения автоматизированным формам «мышления», которые порождены исчислением, свойственны «другой порядок понимаемости» [10, p. 821] и «другой вид абстракции» [11, p. 61–65]. Поэтому при взаимодействии человека и машины между коммуникатором и получателем сообщения отсутствует общий опыт, общая феноменологическая или экзистенциальная основа [11, p. 66]. Обладающие квазиавтономией в принятии решений алгоритмы глубокого обучения становятся всё более автономными агентами ИИ – всё менее зависимыми от феноменологической основы человека. Двойная автономия новейших форм искусственного мышления – когда «не только выходные, но и обучающие входные данные в некоторой степени независимы от человеческих знаний», – позволяет говорить, с точки зрения несоизмеримости, о присутствии в этих формах «нечеловеческого или негуманного интеллекта» [11, p. 68–69]. По словам Л. Паризи, эти формы инструментального разума «отсылают к возникновению *нового чужеродного способа мышления*» (*new alien mode of thought*), который может порождать реальности, никак не связанные с жизнью и органической мыслью [2, p. 136].

Бесчеловечность искусственного интеллекта как отчуждённой социальной силы

Однако сам по себе онтоэпистемологический подход, применяемый к анализу взаимодействия человека и машины, не позволяет определить содержание категорий «нечеловеческий» (*non-human*) и «бесчеловечный» (*inhuman*) в социальном контексте. В чём состоит различие между этими категориями? Являются ли алгоритмы агентами «бесчеловечного интеллекта» при условии, что они функционируют как инфраструктурные элементы цифровой социотехнической системы, и если да, то в каком смысле их «интеллект» бесчело-

вечен? Ответить на эти вопросы под силу только марксистской социально-философской теории, в рамках которой всё, что имманентно человеку как таковому, всё, что производится им (в том числе и технологии), рассматривается как имеющее социальную природу и никогда не должно рассматриваться вне социального контекста.

Уже в своих ранних работах К. Маркс сформулировал основополагающую идею своей философской системы, что универсальным способом существования человека и общества выступает труд как сознательная преобразующая субъект-объектная продуктивная деятельность, которую немецкий философ отождествляет с древнегреческим «пракисом» (πράξις, Praxis) – деятельностью свободных людей. В развёрнутой интерпретации Маркса праксис – это свойственная только человеку социально-индивидуальная активность, свободная от давления какой-либо естественной необходимости и внешней целесообразности, направленная на удовлетворение его всесторонних потребностей и имеющая самоцелью выявление его творческих способностей как некой тотальности их предшествующего исторического развития [13, с. 476]. Реализуясь в процессах производства и потребления материального или идеального объекта, праксис опредмечивает и распредмечивает, экстериоризирует и интериоризирует человеческую сущность. Как воплощение человеческого бытия предмет праксиса оказывается интерсубъективным посредником межличностных отношений – формой отношения человека к другому человеку и объектному миру, социального отношения человека к человеку, природе и объектам материальной и духовной культуры. По мнению отечественного исследователя П. Н. Кондрашова, «праксис мыслится Марксом как родовая сущность человека» [14], в процессе осуществления которой люди производят социальную связь, постоянно модифицирующуюся в ходе исторического процесса.

В исторической реальности праксис, а следовательно, и социальное отношение

человека к человеку, природному миру и миру культуры выступают в превращённых, отчуждённых формах и модификациях. Марксистская концепция отчуждения базируется на различии между инвариантной сущностью (Wesen) человека и общества и их реальным существованием (Existenz), между тем, чем они являются потенциально, и тем, что они представляют собой в действительности. Потенциально прaxis существует как свободная самоцелевая социально-индивидуальная человеческая активность, которая в исторической действительности в условиях капиталистического способа производства реализуется в своей самоотчуждённой форме, в форме абстрактного труда, как подчинённая внешним целям инструментально-операциональная деятельность. Комментируя английский перевод первого тома «Капитала», Ф. Энгельс отмечает, что английский язык терминологически различает два аспекта, или две формы, труда. «Труд, качественно определённый, создающий потребительные стоимости, называется *work* в противоположность *labour*; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется *labour* в противоположность *work*» [15, с. 56]. В количественном измерении труда присутствует отношение безразличия к качественной определённости производимых вещей и индивидуальности их производителя.

П. Н. Кондрашов, много лет занимавшийся исследованием философии К. Маркса, обращает внимание на то, что в текстах немецкого философа имплицитно проводится различие между диалектически взаимосвязанными категориями человеческого / нечеловеческого и человеческого / бесчеловечного. Все индивидуальные практики и социальные системы, независимо от их исторических модификаций, с онтологической точки зрения являются человеческими, но в определённом аксиологическом измерении они могут восприниматься как достойные человека или недостойные его, как, соответственно, человеческие или бесчеловечные. Например,

все формы отчуждённой человеческой деятельности и капиталистическое общество как превращённая форма социального бытия в ценностном измерении, с марксистской точки зрения, оказываются бесчеловечными, тогда как общество, в котором происходит подлинное возвращение человека к самому себе как человеку социальному, т. е. обществу коммунистическое, является по-настоящему гуманным. Природа бесчеловечного открывается в реализации человеческой субъективности и социальности посредством превращённой формы субъект-объектного взаимодействия и отношения: бесчеловечность мыслится как безразличное, равнодушное, неэмпатическое отношение человека к реальности [14]. В отчуждённой форме прaxisа, согласно Марксу, человеческая сущность экстериоризирована бесчеловечным способом, в противоположность самой себе [16, с. 626]. Так, в гегелевской спекулятивной логике как чисто интеллектуальной деятельности, противопоставленной тотальности человеческого прaxisа, мышление превращается в «совершенно равнодушную ко всякой действительной определённости» недействительную сущность субъекта и объекта – «отчуждённое, а поэтому абстрагирующее от природы и от действительного человека» бесчеловечное мышление [16, с. 625].

Однако в реальности не существует ни чисто идеальных, ни чисто материальных форм прaxisа: любая умственная деятельность, даже самая абстрактная, осуществляется посредством материального головного мозга, образуя синапсы – контакты между его нейронами, а всякая чувственная практика предполагает интеллектуальную активность в виде целеполагания. В своей тотальности прaxis представляет собой диалектический синтез материальной и духовной, чувственной и интеллектуальной, внешней и внутренней форм человеческой активности, соотношение которых динамически меняется на каждом этапе социального онтогенеза. Тем не менее даже в условиях цифровизации и медиатизации, когда идеальная со-

ставляющая постепенно увеличивается, материальное продолжает оставаться детерминирующей основой идеального, его реальным базисом (Unterbau).

В силу диалектического единства, в котором протекают внешняя и внутренняя, практическая и умственная формы деятельности, они имеют идентичную общую динамическую структуру [17, с. 79], включающую в себя следующие элементы: субъект, объект, их взаимодействие, потребность, целеполагающая установка, средство, или инструмент, деятельность и её результат [14]. При передаче вычислительным машинам интеллектуальных функций от тотальности умственной деятельности отделяются в их экстерииризованных формах мыслительные операции, относящиеся в структуре человеческого праксиса к инструментальному элементу. Как отмечает отечественный философ и психолог А. Н. Леонтьев, эти операции «суть только способы, средства мышления, а не само мышление» [17, с. 38].

В отличие от человека – единственного субъекта мыслительной деятельности, понимаемой как двустороннее субъект-объектное движение сознания, – не обладающие сознанием вычислительные машины «не умеют проходить этого пути в целом». Они «не руководствуются мотивами, не управляются потребностью», в их абстрагированных от человека и природы процессах «потребность... не опредмечивает себя»¹. То, что они выполняют, «не имеет для них смысла». Они не способны осознавать цели и целеполагать, а могут только «следовать условиям», т. е. выполнять операции – «как бы “отслаивающиеся” из живой субъективной и пристрастной мыслительной деятельности человека процессы» [18]. Видимая целенаправленность таких процессов, выполняемых агентами ИИ, в том числе и самообучающимися алгоритмами, не является генетически имманентной, поскольку к их выполнению и самообучению они предопределены человеком и служат воплощением его цели.

¹ Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

В условиях капиталистической социальной системы, т. е. доминирования частной собственности на средства производства, коммерциализации и коммодификации социальных отношений, взаимный обмен человеческой деятельностью в процессах опредмечивания и распределмечивания, связывающих людей в социальную тотальность, протекает преимущественно в форме товарно-денежных отношений. Социальные отношения оказываются инвертированными: межличностные, интерсубъективные отношения принимают вид товарных отношений, в которых персонифицируются вещи и овещняются лица [15, с. 83, 124]. Социальная инверсия предполагает телеологическую и субъект-объектную инверсию праксиса. Вместо удовлетворения всесторонних потребностей и свободной реализации универсальных потенций конечной целью человеческой деятельности оказываются удовлетворение физических потребностей и вынужденная реализация её парциальных функций [13, с. 101; 16, с. 564–567]. Эти функции соответствуют отдельным операциям, включённым в систему действий отчуждённой опосредствующей деятельности, – процессам, подчинённым оперированию «некой сущности, находящейся вне человека и над человеком» [19, с. 18]. Как независимая от него и подчиняющая его себе сила, эта сущность в своём персонифицированном виде оказывается субъектом абстрактной деятельности и движения в ней того отношения к реальности, которое выражается меновой стоимостью. В инвертированном товарно-денежном обращении ($D - T - D$) стоимость становится субъектом некоторого процесса: перетекая из денежной формы (D) в товарную (T) и обратно, она в собственном движении постоянно присоединяет к себе прибавочную стоимость, т. е. становится самовозрастающей стоимостью, капиталом. Следовательно, этот процесс описывается формулой $D - T - D'$ (где D' – выраженная в деньгах стоимость с учётом полученного приращения). Если простое товарно-денежное обращение ($T - D - T$) служит средством для достижения

внешней по отношению к нему цели, то обращение денег в виде капитала есть самоцель бесконечного процесса, в котором стоимость выступает как «саморазвивающаяся», «самодвижущаяся субстанция», превратившись в «автоматически действующий субъект» [15, с. 157–165]. Поскольку в инвертированном товарно-денежном обращении товар играет роль лишь посредника рыночного обмена, соответствующий элемент (Т) во всеобщей формуле капитала можно опустить и свести его к краткому выражению $D - D'$, «деньги, порождающие деньги» [15, с. 166].

В последнее десятилетие происходит беспрецедентное самоувеличение капитализации крупнейших технологических компаний (Big Tech), сопровождающее процесс формирования гигантского массива данных (Big Data), экспоненциальный рост которых осуществляется в ходе трансформации технокapитализма в его наиболее радикальную форму – капитализм искусственного интеллекта. В ряде исследований данные концептуализируются как различные формы капитала: во-первых, «данные – это сырьё – постоянный капитал, который необходим для производства товаров», т. е. различных информационных продуктов и услуг; во-вторых, «данные – это товар, продукт цифрового труда людей, взаимодействующих с приложениями и услугами» [20, р. 730]. По мнению британского исследователя П. Вердегема, технологические гиганты запускают информационные продукты не ради получения дохода, а ради производства данных, монетизируемых впоследствии посредством различных продуктов и услуг [20, р. 730–731]. В алгоритмическом процессинге вследствие энтропийного преобразования информации выходные данные (товар) всегда превышают по своему объёму входные данные (сырьё). Поэтому само по себе выполнение алгоритмами каких-либо операций, например в процессе извлечения данных или их анализа, генерирует новые данные, и этот технологический цикл, в котором данные порождают другие данные, повторяется бесконечно. В силу их абстрактной количественной природы, которая род-

нит их со стоимостью и деньгами, цифровые данные являются одним из универсальных посредников рыночного обмена.

В условиях реификации и фетишизма социальных отношений потенции родовой сущности человека оказываются специфическими медиациями социального метаболизма. Персонифицируясь в виде капитала, денег, науки, технологий общего назначения (GPT) и других социальных фетишей, они трансформируются в особые, не зависящие от индивидов, отчуждённые и отчуждающие силы. В этих условиях неизбежно возникает то опрокидывание субъект-объектных отношений, в результате которого не индивид оказывается субъектом всеобщих сил и способностей, а, напротив, эти силы и способности сами выступают в роли субъекта, диктующего каждому индивиду способы социальной практики.

В одну из таких автономных от индивидов и доминирующих над ними социальных сил превращается потенциал человеческих знаний и когнитивных способностей, именуемый «социальным мозгом», когда в процессе поглощения капиталом его элементы переходят под контроль «всеобщего интеллекта». Его частным случаем является ИИ, который служит реализацией человеческих знаний и когнитивных способностей в адекватных капиталу средствах производства путём преобразования (особой экстерниоризации) знаний в цифровые данные, а способностей – в системы вычислительных операций. Другими словами, капитал постоянно «вырезает и эмулирует аспекты социального мозга, реализуя их в машинах и добавляя их к всеобщему интеллекту» [3, р. 64]. Так ИИ, агентами которого сегодня являются интерактивные и самопрограммирующиеся алгоритмы, оказывается бесчеловечной социальной силой, обезчеловечивающей индивидов, которым в инвертированном субъект-объектном отношении отводится роль объектов, подчинённых фундаментально дегуманизированному псевдосубъекту – ИИ.

Заключение

В условиях позднего капитализма происходит гомогенное слияние двух стимулирующих друг друга процессов – социально-экономического процесса коммерциализации и социально-технологического процесса алгоритмизации, трансформирующих социальную реальность в цифровую социотехническую систему. Между алгоритмами ИИ и конституирующим их капиталом обнаруживается избирательное сродство, в котором вычислительный механизм алгоритмов и социальный механизм капитала моделируются как неконтролируемые петли обратной связи. На современном этапе технологического развития ИИ представляет со-

бой персонифицированную совокупность всё более абстрагирующихся от родовой сущности человека знаний и когнитивных способностей, которые реализуются в адекватных капиталу средствах труда – самообучающихся алгоритмах. В свою очередь, по отношению к ИИ последние являются агентами отчуждённой и доминирующей над всеми бесчеловечной социальной силы, которая непрерывно интенсифицирует их способность выходить из-под контроля человека и общества. Таким образом, процессы коммерциализации и алгоритмизации необходимо рассматривать как основные модусы онтогенеза дегуманизированной и дегуманизирующей социотехнической системы – цифрового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790.
2. Parisi L. Instrumental Reason, Algorithmic Capitalism, and the Incomputable // *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas* / ed. M. Pasquinelli. Lüneburg: Meson Press, 2015. P. 125–137.
3. Dyer-Witheford N., Kjøsén A. M., Steinhoff J. *Inhuman Power: Artificial Intelligence and the Future of Capitalism*. London: Pluto Press, 2019. 224 p.
4. Laruffa F. Neoliberalism, Economization and the Paradox of the New Welfare State // *European Journal of Sociology*. 2022. Vol. 63. Iss. 1. P. 131–163. DOI: 10.1017/S0003975622000169.
5. Land N., Mackay R., Fisher M. *A Nick Land Reader: Selected Writings*. Anonymous Press, 2017. 276 p.
6. Fazi M. B. *Incomputable Aesthetics: Open Axioms of Contingency* [Электронный ресурс] // *Computational Culture*. 2016. Iss. 5. URL: <http://computationalculture.net/incomputable-aesthetics-open-axioms-of-contingency> (дата обращения: 15.12.2024).
7. Parisi L. Learning to Learn or the Algorithmic Discovery of Information // *Machine Learning – Media, Infrastructures and Technologies of Artificial Intelligence* / ed. by Christoph Engemann and Andreas Sudmann. Bielefeld: transcript Verlag, 2018. P. 93–114.
8. Pasquinelli M. *The Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence*. London; New York: Verso, 2023. 272 p.
9. Turing A. M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem (1936) // *The Essential Turing: Seminal Writings in Computing, Logic, Philosophy, Artificial Intelligence, and Artificial Life plus The Secrets of Enigma* / ed. B. J. Copeland. Oxford: Clarendon Press, 2004. P. 58–90.
10. Fazi M. B. Can a Machine Think (Anything New)? *Automation Beyond Simulation* // *AI & Society*. 2019. Vol. 34. P. 813–824. DOI: 10.1007/s00146-018-0821-0.
11. Fazi M. B. Beyond Human: Deep Learning, Explainability and Representation // *Theory, Culture & Society*. 2021. Vol. 38. No. 7–8. P. 55–77. DOI: 10.1177/0263276420966386.
12. Benasayag M. *Il cervello aumentato, l'uomo diminuito*. Torino: Il Margine, 2022. 248 p.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1968. 560 с.
14. Кондрашов П. Н. *Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты*. М.: URSS, 2024. 216 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 908 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 690 с.

17. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004. 352 с.
18. Леонтьев А. Н. Автоматизация и человек // Психологические исследования. Вып. 2. М.: Московский университет, 1970. С. 3–12.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. 536 с.
20. Verdegem P. Dismantling AI Capitalism: The Commons as an Alternative to the Power Concentration of Big Tech // *AI & Society*. 2022. Vol. 39. P. 727–737. DOI: 10.1007/s00146-022-01437-8.

REFERENCES

1. Smirnov, A. V. (2021). Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality. In: *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790 (in Russ.).
2. Parisi, L. (2015). Instrumental Reason, Algorithmic Capitalism, and the Incomputable. In: *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas*. Lüneburg: Meson Press, pp. 125–137.
3. Dyer-Witheford, N., Kjøsen, A. M. & Steinhoff, J. (2019). *Inhuman Power: Artificial Intelligence and the Future of Capitalism*. London: Pluto Press (in Russ.).
4. Laruffa, F. (2022). Neoliberalism, Economization and the Paradox of the New Welfare State. In: *European Journal of Sociology*, 63 (1), 131–163. DOI: 10.1017/S0003975622000169.
5. Land, N., Mackay, R. & Fisher, M. (2017). *A Nick Land Reader: Selected Writings*. Anonymous Press.
6. Fazi, M. B. (2016). Incomputable Aesthetics: Open Axioms of Contingency. In: *Computational Culture*, 5. URL: <http://computationalculture.net/incomputable-aesthetics-open-axioms-of-contingency> (accessed: 12.15.2024).
7. Parisi, L. (2018). Learning to Learn or the Algorithmic Discovery of Information. In: *Machine Learning – Media, Infrastructures and Technologies of Artificial Intelligence*. Bielefeld: Verlag, pp. 93–114.
8. Pasquinelli, M. (2023). *The Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence*. London; New York: Verso.
9. Turing, A. M. (2004). On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem. In: *The Essential Turing: Seminal Writings in Computing, Logic, Philosophy, Artificial Intelligence, and Artificial Life plus The Secrets of Enigma*. Oxford: Clarendon Press, pp. 58–90.
10. Fazi, M. B. (2019). Can a Machine Think (Anything New)? Automation Beyond Simulation. In: *AI & Society*, 34, 813–824. DOI: 10.1007/s00146-018-0821-0.
11. Fazi, M. B. (2021). Beyond Human: Deep Learning, Explainability and Representation. In: *Theory, Culture & Society*, 38 (7–8), 55–77. DOI: 10.1177/0263276420966386.
12. Benasayag, M. (2022). *Il cervello aumentato, l'uomo diminuito*. Torino: Il Margine.
13. Marx, K. & Engels, F. (1968). *Works. Vol. 46. Pt. 1*. Moscow: Political Literature publ. (in Russ.).
14. Kondrashov, P. N. (2024). *The Philosophy of Karl Marx: Existential Anthropological Aspects*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
15. Marx, K. & Engels, F. (1960). *Works. Vol. 23*. Moscow: Political Literature, 1960 publ. (in Russ.).
16. Marx, K. & Engels, F. (1956). *From Early Works*. Moscow: Political Literature publ. (in Russ.).
17. Leontiev, A. N. (2004). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Meaning publ., Academy publ. (in Russ.).
18. Leontiev, A. N. (1970). Automation and Man. In: *Psychological Studies. Vol. 2*. Moscow: Moscow University publ. pp. 3–12 (in Russ.).
19. Marx, K. & Engels, F. (1974). *Works. Vol. 42*. Moscow: Political Literature publ. (in Russ.).
20. Verdegem, P. (2022). Dismantling AI Capitalism: The Commons as an Alternative to the Power Concentration of Big Tech. In: *AI & Society*, 39, 727–737. DOI: 10.1007/s00146-022-01437-8 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татаров Владимир Юрьевич (г. Тверь) – аспирант кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: tatarovvyu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Y. Tatarov (Tver) – Postgraduate Student, Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: tatarovvyu@mail.ru